

Он знал, что никогда больше не выйдет на свободу, и задолго до смерти (за девять без малого лет) составил завещание, в котором распisał, где и как похоронить его. Никаких церемоний. Никаких речей. «Когда яма будет засыпана, надлежит набросать сверху желудей, которые прорастут, и след моей могилы навсегда исчезнет с поверхности земли. Как, надеюсь, сотрется в людских умах и память обо мне».

Надежда не оправдалась. Маркиз не только не забыт, но и увековечен едва ли не во всех европейских языках образованным от его имени страшным словом «садизм».

Не забыт он и как писатель. «Какие творения! — восхищался его романами Флобер. — Какие типы! А какие зарисовки нравов! Как все это правдиво! Какие возвышенные характеры!.. Какая восторженность и какие благородные помыслы!»

Отец маркиза, профессиональный дипломат, одно время служивший послом в России, писал флигельные стишки, но этим литературная традиция семьи не исчерпывается: причудливым образом она уходит аж в средние века. Среди его многочисленных предков была и воспетая Петраркой Лаура, вышедшая замуж за доблестного рыцаря Уго де Сада. Маркиз жалел, что она — не его мать и еще более — что не его жена.

Ею стала Рене де Монтрей, дочь президента Высшего податного суда. Поздней весной 1763 года совершается пышный, под патронажем самого короля свадебный обряд, а уже осенью грянул скандал: молодожена упекают за решетку. Он обвиняется в богохульстве, в жестокости по отношению к партнерше, которой оказалась продавщица верев, а также в извращениях, за которые в те времена (да и кое-где — в нынешние) полагалась суровая кара.

«Я нахожусь в башне, запертой девятнадцатью железными дверями, свет я вижу через два крошечных окошка, каждое из которых закрыто двадцатью решетками. На десять — двенадцать минут ко мне приходит человек, приносящий еду. Остальное время я провожу один, в слезах».

Заливалась слезами, читая послание мужа, и молодая жена. То были слезы жалости, сострадания и, может быть, обиды, но это уже в последнюю очередь. Когда плохо любимому человеку, разве думаешь о себе! Рене отравляется к матери, женщине властной, предприимчивой, обладающей влиятельнейшими знакомствами, и умоляет выволить из неволи своего неупутевого мужа.

Г-жа де Монтрей размышляет, поджав губы, и в конце концов идет так навстречу дочери. Но предупреждает, что делает это в первый и последний раз.

Маркиз на свободе — всего две недели длилось его первое заключение. Он отпущен под честное слово самого президента Высшего податного суда (г-жа де Монтрей имела на супруга неограниченное влияние) и под личный, уверял президент, надзор. Негоднику само собой прочитана мораль, и не одна, зятек смиренно выслушал все и дал ответ, но не сразу, а некоторое время спустя, в трактате «Разговор священника с умирающим»: «Наслаждение всегда оставалось для меня самым дорогим из всех благ, я поклонялся ему всю жизнь и желаю умереть в наслаждении».

Таким, стало быть, сотворила его природа, а все, что исходит от природы, для него священо. «Разве природа советует то, что ее оскорбляет?» — рассуждает герой «Философии в буддуре».

Это — краеугольный камень философии де Сада не только «в буддуре», а гораздо, гораздо шире. Он не желал подчиняться никому и ничему, кроме, разумеется, собственного «я», и имел отвагу (или безрассудство) до конца следовать этому принципу. «К несчастью, я получил от Неба твердую душу, которая никогда не согнется». При этом он не навязывает другим ни своего от-

ЖЕЛАЮ УМЕРЕТЬ В НАСЛАЖДЕНИИ

МАРКИЗ ДЕ САД. МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

ношения к миру, ни своего образа жизни. Более того! Он не только готов признать право других вести себя иначе, сообразно собственной природе, но даже полагает, что исповедуемые большинством принципы куда более соответствуют норме, нежели то, что делает он.

А делает он нечто неслыханное. «Ненависть к нему, охватившая всю публику, превосходит всякие описания, — с ужасом сообщала близкому родственнику и воспитателю маркиза одна их общих знакомая. — Люди считают, что он учинил это недостойное хлестание кнутом, чтобы поиздеваться над страстями Христовыми».

Речь идет о разразившемся в 1768 году громком скандале. В пасхальное воскресенье, выпавшее в тот год на 3 апреля, маркиз, поигрывая инкрустированной серебром тростью, прогуливался по празднично оживленной площади. Внимание его привлекла немолодая, лет за тридцать пять, женщина. Она была довольно прилично одета, но просила милостыню. Господин с тростью приблизился к ней и любезно осведомился, что довело ее до такого отчаянного положения.

Женщина — ее звали Розой Келлер — ответила, что после смерти мужа она оказалась без средств к существованию. Незнакомец минуту поразмышлял, потрогал охотничий нож на поясе (рукоять тоже была инкрустирована серебром), а затем предложил мадам, которая зарделась от столь светского, не привычного для нее обращения, место горничной в своей загородной вилле. Безупречные манеры и благообразный внешний вид незнакомца (упитанный невысокого роста голубоглазый блондин) не вызвали подозрений, и вдова согласилась. Сели в подкативший фиакр и, не медля ни секунды, отправились в предместье Парижа.

О том, что произошло на вилле, полиции стало известно в тот же день со слов самой Розы Келлер, которая, войдя вместе с хозяином в дверь, выпрыгнула спустя некоторое время в окно. Ее ужасный вид был красноречивей всех данных под присягой показаний. Тем не менее уже через три дня потерпевшая отказалась от них. Обошлось это семейству де Садов, а точнее, родственникам жены, без малого в две с половиной тысячи ливров.

Зато следующая проделка маркиза, теперь уже не в Париже, а в

для легковверных женщин. Не меньше, если не больше, он опасен для сильных мира сего.

В заточении Сад лихорадочно строчит свои романы. Но не только. Еще он пишет письма — главным образом жене — и в них, как и в романах, предельно откровенен.

«Властный, наделенный холерическим темпераментом, импульсивный, склонный к крайностям во всем, с безумно богатым воображением, такой, равного которому в жизни нет, — вот я весь в двух словах. И еще добавлю: вы должны или

убийцами изощреннейшими, садистами, как с легкой руки маркиза принято называть их, заселены все его книги. А правильной сказкой — переселены. Почему? Писатель маркиз де Сад исчерпывающе ответил на этот вопрос в своего рода литературном манифесте под названием «Мысли о романах». И о романах вообще, и о своих в частности.

«Мое перо, говорят, слишком остро, я надеваю порок слишком отвратительными чертами; хотите знать почему? Я не хочу, чтобы любители порока, и у меня нет... опасного

плана заставить женщин восхищаться особами, которые их обманывают, я хочу, напротив, чтобы они их ненавидели; это единственное средство, которое сможет уберечь женщину; и ради этого я сделал тех из моих героев, которые следуют стезею порока, столь ужасающими, что они не внушают ни жалости, ни любви».

Не будем забывать, однако, что это — манифест, то есть то, что предназначено для публики, и потому можно верить в искренность автора, а можно не верить. Но вот где человеку не дано быть неискренним, так это во сне.

Что же снилось заточенному в тюрьму больному, обрюзгшему и немощно растолстевшему человеку? Ему снилась Лаура.

«Я, как ребенок, читаю о ней весь день и грежу ею всю ночь», — пишет он жене. И далее рассказывает свой последний сон, в котором Лаура явилась ему собственной персоной.

«Я смог ее увидеть! Ужас могилы не изменил блеска ее красоты, а в ее глазах все еще сиял тот же огонь, как и во времена, когда ее воспевал Петрарка. Она была полностью задрапирована в черный муслин, ее прекрасные волосы струились поверх него».

Спросив, для чего он, несчастный, страдает на этой грешной земле, Лаура ласково приглашает его следовать за ним. «В том бескрайнем пространстве, где я обитаю, нет больше ни болезней, ни страданий...»

«Когда она это сказала, — продолжает маркиз описанию своего сна, — я бросился к ее ногам и обратился к ней, назвав ее «моя мать». Меня потрясли рыдания... Я полностью излил ей все мои страдания и мою любовь и обнял ее, чтобы удержать подле себя и последовать за ней, орошая ее слезами. Но призрак исчез. И со мной осталось только мое горе».

Не только горе. Не только... Еще с ним осталась женщина, которой он адресовал эти строки. Женщина не из сна и не из книжек, а вполне реальная, прожившая с ним много лет. Лишь она одна знала подлинного де Сада...

Она да подзабытый ныне немецкий врач Франц Гааль. Этот человек посвятил жизнь изучению связи формы черепа с умственным потенциалом личности и ее моральными качествами. Надо ли говорить, какой интерес — сугубо научный интерес — представлял для него маркиз де Сад? Но тот, словно предвидя подобную перспективу и желая унести с собой свою тайну, начал завещание — то самое завещание, о котором мы упоминали, — словами: «Я категорически запрещаю вскрывать мое тело под каким бы то ни было предлогом».

Доктор Гааль нарушил запрет. Могила была вскрыта и останки тщательно изучены. Вот выписка из официального акта обследования: «Череп подобен всем старческим черепам. Шишки отцовской нежности и любви к детям развиты сверх меры».

Руслан КИРЕЕВ.

Художник Мария ПАТРУШЕВА.